

З. Н. ВАНЕЕВ

НАРОДНОЕ ПРЕДАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОСЕТИИ
(к проблеме общественного строя Овского царства¹)

(Госиздат Юго-Осетии, 1956)

В Осетии, как Северной, так и Южной, было распространено следующее предание о происхождении осетин.

Родоначальником осетин является Ос-Багатар. У него было пять сыновей: Сидамон, Царазон, Кусагон, Агуз и Цахил. От них произошли роды Сидамоновых, Царазоновых, Кусагоновых, Агузовых и Цахиловых².

Доктор Пфаф сообщает о семи братьях, сыновьях Ос-Багатара. Шестого он называет Тетло, а имени седьмого брата он не мог узнать³. Однако, общераспространенным следует признать вариант о пяти братьях. По словам того же автора, «каждому из этих сыновей отец перед своей смертью завещал известную вещь, например, Кусагону – кус, т.е. чашу, отчего каждый сын и получил свое название⁴.

Каково историческое значение этого предания?

В части, касающейся происхождения всех осетин от Ос-Багатара, предание следует считать продуктом свободного творчества первоначального сказителя.

¹ Овское царство (по грузинским летописям) или Аланское царство (по византийским, арабским и др. источникам) существовало на Северном Кавказе в X–XII вв.

² Имена Сидамон, Царазон, Кусагон имеют осетинское родовое (фамильное) окончание «он». Родовое название в этой форме в отношении мужчин вышло из употребления, в отношении женщин оно сохранилось до сих пор. В сказаниях оно механически перенесено на родоначальников. Надо полагать, что последние носили имена без окончания «он» – Сидам, Цараз, Кусаг и т.д. Существовавшая до сих пор в Грузии фамилия Сидамон-Эристави, очевидно, сохранила в первой части эту фамильную форму.

³ См. Сборник сведений о кавказских горцах, V, II, 58. В Алагирском ущелье живут Тетлоевы, но в других местах, в частности, в Южной Осетии о них ничего неизвестно. В Южной Осетии бытует предание о пяти братьях.

⁴ Там же, с. 74.

Ос-Багатар – титул военного вождя осетин («царя» по грузинской летописи) в средние века. Относить происхождение всех осетин к какому-нибудь из «царей» Осетии – представление, явно лишенное логического смысла, ибо осетины существовали раньше, чем появился у них вождь под именем «Ос-Багатар».

Нетрудно объяснить само происхождение подобного сказания. Осетинским аристократическим фамилиям было свойственно производить свое происхождение от какого-нибудь царя или владетеля. Так, тагаурцы производили свое происхождение от армянского царевича – Тагаура, фамилия Хетагуровых производила себя от родоначальника кабардинских князей – Инала, дигорские бадияты – от выходца из Маджар и т.д.

Очевидно, это делалось с расчетом более убедительно обосновать знатность своего происхождения.

Но если неправильно производить *всех* осетин от Ос-Багатара, то не исключается, как это увидим ниже, постановка вопроса о том, не произошла ли от одного из Ос-Багатаров известная часть осетин.

Реально-историческим в приведенном предании является факт существования древних родов, происшедших от названных пяти братьев. Хотя эти роды давно распались на многочисленные отдельные роды, но как в Северной Осетии, так и в Южной, до сих пор сохранились живые предания о происхождении этих позднейших родов от более древних родов. Так, в Южной Осетии целый ряд фамилий, проживающих по ущелью Б. Лиахвы до с. Сба (Абаевы, Джатиевы, Шавлоховы, Томаевы, Плиевы, Джиджоевы, Гаглоевы, Санакоевы и некоторые другие), составляли ветви древнего рода Агузовых и имели репутацию *уæзданских*, т.е. благородных родов. Жители Урс-туальского сельсовета, расположенного выше сел Сба, Згубир, называли их Агузовыми (Агузатæ). Разумеется, фамилии из рода Агузатæ имелись и в других ущельях (напр., в Кударском). Обширный род Хубуловых (к нему относятся фамилии: Джиоевы, Битиевы, Магкоевы, Гассиевы, Бабаевы, Кокоевы, Карсановы, Остаевы) происходит от рода Кусагоновых. Обширные роды Цхурбаевых (обычно именуются Цховребовыми) и Тедеевых (фамилии – Тедеевы, Биазровы, Лалиевы) причисляли себя к роду Сидамоновых. Менее представлен был в Юго-Осетии род Царазоновых (к этому роду относили, в частности, Дза-soховых, Хабаловых).

Кое-где сохранились в Южной Осетии до сих пор фамильные названия от имен названных древних родоначальников – Сидамонов, Цахилов.

Следует отметить, что многие фамилии в Южной Осетии утратили воспоминание о своей связи с этими древними родами.

В Северной Осетии районом распространения названных древних родов считается Алагирское ущелье. По сообщению д-ра Пфафа жители этого ущелья – аулов Унал, Архон, Лоар, Дей, Дзис и др. причисляли себя к роду Сидамонцев; жители Бад, Мизур, Биз, Нузал и др. большею частью состояли из Царазонцев; жители аулов Дагом, Донисар, Урсдон и др. большею частью принадлежали к роду Кусагонцев⁵.

Надо думать, что в настоящее время и в Северной Осетии многие ныне существующие фамилии не помнят о своем происхождении от того или другого из древних родов народного предания.

Как в Северной Осетии, так и в Южной сохранилась следующая характеристика трех из этих родов: «многочисленность Сидамоновых (Сидамони бирæ), сила, воинственность Агузовых» (Агузай æхсар), слава Кусагоновых (Кусагони кад). В Южной Осетии мы слышали «слава Хубуловых», что говорит о том, что род Хубуловых принадлежал Кусагонцам⁶.

По одному юго-осетинскому варианту трое из братьев при разделе получили: Сидамон – кусок (целый) золотой ткани (сигзарин тин), Агуз – золотой меч (сигзарин кард), Кусаг – золотой мяч (сигзарин пурти). Оттого род Сидамона как длинный «тин» распространился по всей стране (т.е. стал многочисленным); роду Агуза достался «Ахсар» – отвага, воинственность, сила; роду Кусаг досталась в удел слава.

Хотя районом расселения древних родов нашего предания считается Алагирское ущелье, а также, как следует из вышеизложенного, и Южная Осетия, но они имеются и в других ущельях. Правда, дигорцы, куртатинцы и тагаурцы не причисляли себя к этим древним родам, но в отношении происхождения куртатинцев и тагаурцев существует другой вариант (более демократический). Два брата Курта и Тага были правнуками Сидамона и переселились из Алагирского ущелья в соседнее Куртатинское ущелье. Впоследствии два брата поссорились, и Курта изгнал Тага из Куртатинского ущелья. Тага поселился в соседнем ущелье. От него произошли тагаурские узданские фамилии (тагиатæ)⁷. Таким образом, согласно этому варианту и куртатинцы, и тагаурцы имеют общее происхождение с родами названного предания.

В связи с этим необходимо отметить, что некоторые южно-осетинские фамилии из рода Агузовых (Гаглоевы, Томаевы) по предани-

⁵ См. Сборник сведений о кавказских горцах. V, II. С. 78.

⁶ См. Юго-Осетинский фольклор. Сталинир, 1940. С. 212.

⁷ См. Адамы кавказских горцев, II. 19. См. также вариант этого предания в «Сборнике сведений о кавказских горцах» в V, II. 81.

ям переселились на юг из с. Кора, в Куртатинском ущелье, что говорит за то, что Агузовы и другие роды преданья распространились кроме Алагирского ущелья и по другим ущельям.

Как сообщал еще Клапрот, осетины в районе Дарьяльского ущелья (сс. Балта, Ларс, Чми) принадлежали к большому осетинскому племени Сидамоновых. Даже в Дигории имеются фамилии, происходящие от этих родов – выходцы из Алагирского ущелья.

Все эти пять родов считались аристократическими.

Как известно, осетинские общества в Тагаурии, Дигории и даже в Куртат имели классово-сословное деление. Господствующее сословие составляли уэзданские или благородные фамилии (æлдарские в Тагаурии и Куртат, бадилятские и др. в Дигории). От них находились в разной степени зависимости фæрсаглæги (лично свободные люди), кавдæсарды (рожденные от вторых жен) и рабы.

Алагирское общество считалось более демократическим. Однако, и здесь было то же самое сословное деление, как в предыдущих осетинских обществах с той существенной разницей, что между уэзданскими и «черными» фамилиями не было никаких реальных отношений зависимости.

Об аристократических родах Алагирского ущелья мы читаем в сборнике адатов:

«Алагирское общество разделяется на два сословия: уэзданлæг и фæрсаглæг. Уэзданлæгское сословие состоит всего из 4 фамилий, а именно: Сидамонтæ, Дцадартцонтæ (точнее – Царазонтæ – З. В.), Агузатæ (точнее – Агузатæ – З. В.) и Кусагонтæ»⁸. В этом сообщении содержатся неточности, а именно: во-первых, аристократических родов в Алагирском обществе было не 4, а, как мы знаем, пять (пропущен род Цахиловых), а если считать Тетловых, то и 6; во-вторых, и в Алагирском обществе кроме фæрсаглæгов и уэзданлæгов были и кавдæсарды и рабы, хотя эти последние никаких повинностей не отбывали уэзданлæгам.

Но в данном случае важно отметить тот факт, что адат древние роды Сидамоновых, Агузовых и др. считает высшим сословием.

Одно сообщение, содержащееся в том же сборнике адатов, подтверждает это. Здесь в главе о тагаурцах мы читаем: «Около времени переселения тагаурцев на плоскость прибыла в их ущелье из-за кавказских гор осетинская уэзданлæгская фамилия Дзантиевых из рода Агузовых. Она поселилась на незанятых никем местах, между границами тагаурцев и куртатинцев, а частью перешла потом на плоскость, где и теперь имеет две деревни (аула). Тагаурские уэзданлæги, признавая их одинакового с

⁸ Адаты кавказских горцев, II. 18.

собою сословия, вступили с ними в родство. По сей причине и по праву иметь кавдæсардов фамилия Дзантиевых составляет 11-ую фамилию тагаурских уæзданлæгов⁹.

Таким образом, род Агузовых, а, следовательно, и остальные четыре рода нашего предания по своей знатности признавались равными тагаурскими æлдарами.

В Южной Осетии фамилии из рода Агузовых преимущественно считались аристократическими. Впрочем, здесь в условиях феодальной Грузии осетинское население как «уæзданское», так и «черное» составляли одну крестьянскую массу, зависимую от феодалов Грузии, хотя и здесь среди населения традиция знатности сохранилась за фамилиями из рода Агузовых и др.

Отметим также, что грузинские феодалы-князья Эристави-Арагвские по преданию происходили из рода Сидамоновых. И в настоящее время в Грузии сохранилась фамилия Сидамон-Эристави.

Наше предание и, в частности, аристократизм происхождения названных родов нашли отражение и в письменных памятниках. Здесь необходимо прежде всего назвать грузинскую поэму «Алгузиани». Автором этой поэмы был известный деятель начала XIX века Иван Ялгузидзе, как это убедительно доказал академик Кекелидзе. Он был по происхождению осетин, получил грузинское образование, но сохранил знание осетинского языка, традиций и быта осетин. Фамилия Ялгузидзе – грузинизированная форма фамилии Агузов (Агузата), из которой происходил автор поэмы.

Героем поэмы он берет своего предка Алгуза, т.е. Агуза. В поэме упоминаются и братья последнего – Сидæмон, Сарагон (т.е. Царазон), Куртагон (т.е. Кусагон), Джархили (т.е. Цахил), но они находятся в тени. Зато своего предка Агуза (или Алгуза поэмы) наш автор выставляет в роли могущественного царя черкесов и других народов Северного Кавказа во всем его блеске, доблести и величии. Он возводит его происхождение к царю и пророку Давиду. Известно, что грузинские багратиды приписывали себе происхождение от царя Давида. Иван Ялгузидзе также сближает происхождение своего предка Агуза с династией багратидов, упоминает Багатара, Сослана, и для вящего возвеличения производит его от царя Давида и от Августа-Кесаря.

В начале автор поэмы сам указывает, что он рассказывает о своей родословной:

«Возьмусь записывать в книги о нашем родословии (о том),
Кто от кого зачался, кто из какой фамилии происходит,

⁹ Алаты кавказских горцев, II. С. 11.

Кто сын какого рода, кто от кого идет
И кто какую оказал отвагу, на земле живя».

Нельзя сказать, чтобы автор исчерпывающим образом выполнил в поэме поставленную им задачу описать «кто из какой фамилии происходит». Все внимание его фиксируется на его предке Агузе и его делах.

Нет нужды останавливаться на содержании самой поэмы: изображаемые в ней события являются плодом фантазии автора и вряд ли представляют какой-нибудь интерес исторического значения. Существенный интерес представляет тот факт, что Агуз (а, следовательно, и его братья) в поэме выставляется владельцем на Северном Кавказе, при чем подразумевается связь его по происхождению с верхами Овского царства X–XII вв. – с осетинскими багратидами.

Такое же отражение наше предание находит в другом письменном памятнике, известном в специальной научной литературе, именно – так называемой надписи в Нузальской церкви.

Нузальская часовня-гробница представляет важный интерес как исторический памятник и должен привлечь чрезвычайное внимание историка Осетии.

Что Нузальская часовня – гробница, об этом указания делались давно. Так, посетивший часовню д-р Пфаф описывает ее таким образом:

«Церковь стоит среди аула Нузала, на кладбище. Она построена из твердого и удивительно хорошо сохранившегося камня, и в весьма элементарном стиле: она похожа на гробницы, ее окружающие, так что на первый взгляд трудно определить, церковь ли это или гробница. Она так мала, что 12 человек с трудом в ней помещаются. В задней части находится простой новый иконостас и за ним принадлежности для церковной службы; по стенам – старинные рисунки с некоторыми надписями; и у входа, выше дверей, крест с грузинской надписью: «Церковь Христова». На левой от входа стене я видел наверху рисунок, весьма испорченный и представляющий, кажется, что-то вроде крылатого ангела на лошади, в борьбе с каким-то чудовищем, от которого видны только ноги.

Внизу, под этим рисунком, можно различить четыре человеческих фигуры или портрета в черкесской одежде. Голова сохранилась в целости только у четвертого, туловище – у второго и четвертого.

В промежутках между этими портретами находятся надписи: из них можно различить между вторым и третьим, около головы, буквы «тон», это было, очевидно, имя «Атон», о котором упоминает Вахушти; между третьим и четвертым можно явно различить имя Сослан. Остальные надписи, кроме трех непонятных букв, отбиты.

Но один ученый кавказовед, позаботившийся о снятии этих надписей гораздо раньше меня, сообщил мне еще одно, в настоящее время тоже уже уничтоженное имя, означавшее «Джадарос»¹⁰.

Судя по всему, возможно было сделать предположение, что под часовней могильник лиц, портреты которых изображены на стене.

В 1941 году археолог Е. Г. Пчелина сделала доклад в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте о Нузальской часовне, в коем высказала предположение, что под часовней, представляющей типичный осетинский дзаппадз (погребальное сооружение), находится могила Давида-Сослана, мужа знаменитой грузинской царицы Тамары, умершего в 1207 году. Свое предположение Пчелина основала на том, что Давид-Сослан происходил из знатного рода Царазоновых, который жил в Нузале, что по осетинскому обычаю тела умерших на чужбине должны были быть похоронены на родовом кладбище, и что поскольку родовым селением Сослана является с. Нузал, здесь под часовней, на стенах которой изображены его предки, должен быть похоронен он.

2-го июня 1946 г. Пчелиной был вскрыт пол часовни и при снятии земли ниже пола на 25 см был обнаружен край плиты гробницы, а затем под плитами прекрасно выточенный каменный гроб. Работы были приостановлены. На место прибыли ответственные работники СОАР, научные сотрудники Северо-Осетинского научно-исследовательского института и музея краеведения, и в их присутствии гробница была вскрыта. На дне каменного ящика оказался хорошо сохранившийся скелет мужчины лет 35, высокого роста, мощного телосложения. Хорошо сохранился череп с прекрасными белыми зубами. Правая рука скелета покоилась на короткой сабле.

Скелет был перевезен в г. Орджоникидзе для научного изучения и закрепления костей.

Открытие гробницы, естественно, вызвало большой интерес. Сразу же последовало интервью сотрудника газеты «Заря Востока» с вице-президентом АН ГССР С. Н. Джанашиа. Академик Джанашиа указал, что «Давид-Сослан принадлежит к боковой ветви грузинской царской династии Багратиони, утвердившейся в Осетии в XI в. и известной под именем Багратион-Эпремидзе», что никаких исторических данных о том, что этот владетельный дом происходил из с. Нузал нет и строить догадки в этом направлении рискованно, что сообщение о том, что обнаруженный скелет принадлежит молодому, лет 35 мужчине, усиливает сомнение. Если Сослану в год смерти (1207 г.) было только 35 лет, то в год брака с Тамарой

¹⁰ Там же, 33-34.

(1189 г.) ему могло быть не более 16-17 лет, что совершенно невероятно. Наконец, по мнению академика Джанашиа, бедность погребального инвентаря говорит против предположения, что здесь мы имеем погребение Давида-Сослана¹¹.

Возражения, выставленные академиком Джанашиа против мнения Пчелиной относительно лица, погребенного в гробнице, представляются довольно вескими. Тем не менее остается вопрос, кому принадлежит обнаруженный в гробнице скелет. Ответ на этот вопрос приходится искать на основании того материала, который дается самим памятником и, в частности, известною надписью в Нузальской часовне.

Сам памятник – христианская часовня, свидетельствует о том, что она сооружена еще тогда, когда христианство еще было в силе в Осетии. Здесь нужно вспомнить эпоху царицы Тамары, которой народное предание приписывает постройку церкви в Осетии. Портреты, бывшие на стене часовни Атона, Джадарона, Давида-Сослана и др. свидетельствуют о том, что памятник-часовня сооружен не раньше XIII в. Наконец, они же дают основание для предположения, что лицо, погребенное в гробнице, принадлежит к верхам осетинского общества эпохи не раньше XIII в. и находится в генеалогической или родственной связи с лицами, портреты которых имеются на стене, т.е. с династией осетинских Багратидов.

Приведенное заключение подтверждается и знаменитой надписью в Нузальской часовне.

Нузальская надпись еще в XVIII в. приведена в ненапечатанном варианте географии Грузии Вахушти¹².

Текст надписи гласит (в переводе М. Джанашвили):

¹¹ Газ. «Заря Востока» от 21 июня 1946 г. № 123 (6757). Относительно возраста мужчины, которому принадлежит обнаруженный скелет, по словам Е. Г. Пчелиной, в газеты попали неточные сведения: мужчине было не 35 лет, а 43-45.

Что касается происхождения Давида-Сослана из рода Царазоновых, то это сведение почерпнуто из местных нузальских преданий (в Нузале живут Царазоновы) и противоречит сведениям грузинских источников, согласно которым Давид-Сослан происходил из боковой ветви грузинской династии багратидов (т. н. ефремиани). Все же, это местное предание о происхождении Давида-Сослана из рода Царазоновых, во всяком случае, служит указанием на аристократическое происхождение этого рода (одного из родов разбираемого нами предания) и на какие-то родственные связи его с династией багратидов.

¹² См. Изв. груз. летописей и историков о Сев. Кавказе и России. Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа, в. 22, 1897. С. 43. Впервые она была опубликована на французском языке акад. Броссе в Journal Asiatique. 1830. С. 305.

«Нас было девять братьев – Чарджонидзе-Чархилановых, осетин: Багатар, Давид-Сослан, с четырьмя царствами боровшиеся – Пидарос, Джадарос, Сокур и Георгий, грозно встречавшие врага; трое из наших братьев – Исаак, Романоз и Басили стали верными рабами Христа. Мы охраняем узкие дороги, проходящие из четырех углов. В Касарах я имею замок и таможенную заставу и здесь охраняю двери Хиди (хиди по-грузински мост); веруя в загробную жизнь, в сем мире прочно стою; золотосной земли и серебряной, подобно воде, много имею, Кавказ я покорил, с четырьмя царствами боролся и похитил сестру грузинского царя, следуя нашему обычаю; он догнал меня, изменил клятвенно и грех мой принял на себя. Багатар отдан был течению воды, войско же овсетин было истреблено. Кто из вас увидит этот стих, малостью пусть скажет поминание»¹³.

Пфаф, посетивший часовню в 60-х годах (после реставрации часовни в 1862 г.), не видел этой надписи и даже выразил сомнение в самом существовании надписи, так как, по его словам, «подобная обширная надпись не могла поместиться на такой узкой полосе стены, как та, на которую нам указали, тем более, что буквы, которыми мнимые остатки этой надписи написаны, довольно крупного размера. Из всего этого мы заключаем, – продолжает Пфаф, – что Нузальская надпись никогда не существовала и не могла даже существовать, потому что содержание ее противоречит всем историческим данным»¹⁴.

Соображение Пфафа, что надпись не могла поместиться на стене часовни, не является основанием для отрицания самого документа. Надпись могла существовать если не на стене, то где-то на бумаге. Допустимо предположение, что сохранившееся среди местного населения известие о похищении священником Смаргановым какого-то документа из Нузальской часовни относится именно к надписи.

Как бы то ни было, нузальская надпись хотя бы только на бумаге существовала в XVIII в., так как она была известна географу Вахушти.

Но независимо от того, существовала ли действительно надпись в Нузальской часовне или она сочинена позже неизвестным автором, она все же не лишена исторического интереса, поскольку надпись так или иначе приурочена к Нузальскому памятнику. Поэтому даже в том случае, если надпись сочинена позже, ее вместе с Нузальской часовней следует рассматривать как один комплекс исторических памятников. Правда, по своему содержанию надпись действительно не представляет собой исто-

¹³ См. там же.

¹⁴ См. Сб. сведений о кавказских горцах, V, II. С. 61.

рического документа научного значения, точно свидетельствующего о тех или других исторических фактах. Содержание надписи берется из грузинских летописей и осетинских народных преданий. Но видно, что автор надписи плохо был знаком с тем и другим источником и имел путаное представление о лицах, о которых говорится в надписи. В надписи Ос-Багатар, Джадарос, Давид-Сослан – братья, что противоречит сведениям грузинских летописей. Эти неточности и остальное содержание надписи говорят о том, что мы имеем здесь неполноценный исторический документа, не совсем грамотную литературную обработку исторического и фольклорного материала. И тем не менее надпись все же, повторяем, не лишена некоторого исторического значения, так как в том или другом порядке связана с нузальским памятником.

Нузальская надпись ведет рассказ от имени Ос-Багатара. «Кавказ я покорил, с четырьмя царствами боролся и похитил сестру грузинского царя, следуя нашему обычаю; он догнал меня, изменил клятвенно, и грех мой принял на себя. Багатар отдан был течению воды, войско же овсетин было истреблено...»

Из этого естественно сделать заключение, что в могильнике похоронен Ос-Багатар. Это согласуется и с местным осетинским преданием. Но «багатар» – титул осетинского вождя и в грузинских летописях он упоминается в разное время. Спрашивается, какой из Ос-Багатаров погребен здесь? В надписи Ос-Багатар говорит о похищении им сестры грузинского царя, о борьбе с последним и гибели и самого и его войска. Событие это по грузинской летописи относится к V веку нашей эры и связано с походом Вахтанга Горгасала в Осетию. Но, разумеется, Нузальский памятник не может быть отнесен к столь древнему времени – он сооружен не раньше XIII века. Отсутствие у автора надписи хронологической перспективы лучше всего свидетельствует о том, что надпись не что иное, как не совсем грамотная литературная обработка летописных известий. Все же ценность надписи в том, что она подтверждает народное предание о погребении в Нузальской церкви Ос-Багатара и, в соответствии с портретами на стене часовни, – генеалогическую (или вообще родственную) связь погребенного в гробнице с династией осетинских багратидов.

Лицо, погребенное в Нузале, жило не ранее XIII в. и, следовательно, здесь речь может идти об одном из последних Ос-Багатаров, живших в эту эпоху. Возникает предположение, что в гробнице погребен последний известный в грузинской летописи Ос-Багатар, живший в конце XIII в. и воевавший в Карталинии. Но может быть это и другой вождь, неизвестный в истории.

В данном случае для нашей задачи особенно существенного значения не имеет ответ на вопрос, кто именно был похоронен в Нузальской гробнице. Достаточно констатировать, что погребенное здесь лицо принадлежало к верхам осетинского общества, вернее – он был одним из осетинских вождей периода не ранее XIII века.

Из этого предположения можно было бы сделать заключение, что резиденцией Ос-Багатара или столицей овского царства был Нузал. Насколько это согласуется с имеющимися историческими данными? Есть известие, что еще в XIII веке главным городом Осетии был Дедяков, взятый в 1277 году по приказу золотоордынского хана русскими князьями. По имеющимся сведениям Дедяков находился в пределах между Севенца, т.е. Сунжей, и Тереком, в районе железных ворот, т.е. Дарьяла. Остается предположение, что после взятия Дедякова осетины окончательно ушли в горы, и Ос-Багатары перенесли свой центр вглубь гор – в Нузал. Такое предположение хронологически соответствует времени последнего Ос-Багатара, жившего в конце XIII и в начале XIV вв.

Но здесь не исключается и другое предположение, что в Осетии в то время было несколько местных центров, в том числе и Дедяков и Нузал. Это предположение имеет основанием факт распада к тому времени средневекового овского царства на отдельные части.

После сделанного экскурса о Нузальской часовне важно остановиться на связи Нузальской надписи с народным преданием о пяти братьях. Надпись производит Ос-Багатара и других перечисленных в ней лиц от Чарджонидзе-Чархилановых, в которых нетрудно узнать фамилии, происшедшие от двух из 5-ти братьев нашего предания – Царазона и Цахила. Это подтверждается вариантом надписи, приводимой в статье Головина «Топографические и статистические заметки об Осетии»: вместо «Чарджуидзе-Джархилан» значится «Чараджоновы и Сахиловы»¹⁵. В этих двух последних названиях мы узнаем имена двух из пяти родов – Царазоновых и Цахиловых...

Таким образом, нузальская надпись исторически известных лиц из династии осетинских багратидов производит от Царазоновых и Цахиловых, в чем нельзя не видеть отражения местных фольклорных преданий.

В связи с этим возникает вопрос – какова давность древних родов, о которых говорит народное предание?

Автор «Материалов для древней истории осетин» д-р Пфаф по поводу значения этого предания высказывается следующим образом:

¹⁵ Кавказский календарь, 1854 г.

«Осетины валаджирские (т.е. алагирские) издревле разделились на 7 главных колен.

Происхождение этих колен теряется в глубочайшей древности: оно относится еще к тому времени, когда древние нарты смешались с кавказскими семитами, разделившись здесь, вероятно, на 7 колен. Колено Сидамонцев упоминается еще в VI веке при императоре Юстиниане, следовательно, немислимо, чтобы Сидамонцы могли происходить от Ос-Багатара, жившего в начале XIV века. Освобождая осетин из-под ига грузин¹⁶, Ос-Багатар вместе с тем восстановил название 7 колен – и вот смысл вышеприведенного сказания»¹⁷.

Вся эта концепция является произвольно взятой. В частности, упоминание Сидамонцев в эпоху Юстиниана в родословной Ксанских эриставов имеет легендарный характер и на нем основывать древность рода Сидамоновых не приходится. Все же существование этих родов следует отнести к древнему времени.

По некоторым фольклорным преданиям роды, происшедшие от 5-ти братьев, не обладают большой древностью. Так, в одном юго-осетинском сказании Миггæгти тох – борьба фамилий¹⁸ мы читаем: «Родоначальниками осетин были пять братьев: Агуз, Сидамон, Царазон, Кусаг и Цахил. У Агуза один из сыновей Агзариса был лучше своих сверстников. У него было три сына: Тома, Абай и Гагло. Гагло не в состоянии был уплатить плату за кровь и два его сына Туга и Кортиа из своей отчизны – Кора (в Куртатинском ущелье) выселились в Кусджытæ...»

От трех названных в приведенном сказании братьев – внуков Агуза произошли роды Томаевы, Абаевы и Гаглоевы. Судя по родословным этих фамилий, древность их не превышает четырех столетий, т.е. родоначальники их жили в XVI ст., а сам Агуз жил в XV столетии.

Однако сведения данного сказания явно противоречат действительным фактам. Дело в том, что от Агуза произошли не только названные три сына – Тома, Абай и Гагло, но несколько десятков других фамилий, ныне существующих как в Северной, так и в Южной Осетии. В одном ущелье по Б. Лиахве кроме фамилий Гаглоевых, Томаевых и Абаевых есть еще более десятка фамилий из рода Агузовых. Еще больше их окажется в других ущельях Северной и Южной Осетии. Родоначальники этих фамилий, очевидно, жили тоже тогда, когда жили Тома, Абай и Гаг-

¹⁶ Здесь автор упустил из виду, что осетины могли находиться под игом не грузин, а феодалов Грузии.

¹⁷ Сборник сведений о кавказских горцах, V. 59.

¹⁸ Юго-осетинский фольклор, Сталинир, 1940 г. С. 216.

лой в XVI столетии. Таким образом, в начале XVI в. был целый род Агузовых в составе нескольких десятков хозяйств-семейств. Такой род мог образоваться в течение, примерно, 2-3 столетий, и, следовательно, время жизни Агуза относится к более раннему времени, чем это можно принять по приведенному выше сказанию.

Из сопоставления этих данных с вышеприведенными сведениями фольклора о родословной Агузовых можно было бы сделать предположение, что пять братьев нашего предания являются сыновьями последнего Ос-Багатара, жившего в конце XIII века, и, таким образом, примирить наше предание с письменным историческим источником. В таком случае начало существования родов Сидамоновых и др. можно было бы отнести к XIII–XV вв.

Однако такое предположение опровергается элементарным соображением. Подавляющее большинство населения Алагиро-Мамисонского ущелья и Юго-Осетии принадлежит к этим древним родам и немыслимо, чтобы оно произошло от одного человека, жившего в XIII веке, в то время как в XIII в. было здесь и другое осетинское население, которое должно было дать соответственно еще большее количество потомства. Следовательно, названные роды относятся к гораздо более раннему времени.

О древности рода Сидамоновых и остальных четырех родов с определенностью можно сказать одно – что они существовали до времени расселения современных осетин в горах Северной Осетии и Южной Осетии, когда было положено основание ныне существующим здесь осетинским селениям. Эти древние роды сформировались и жили в предшествующий период. Сколько времени и в каких местах они жили, когда произошло их расселение по горным ущельям – вопрос этот остается открытым. С некоторою вероятностью можно сделать предположение, что образование многих осетинских аулов в горах относится к эпохе после монголо-татарских нашествий, когда под внешними ударами произошел отлив населения с плоскости в горы и даже в Грузию. В данной связи представляют интерес следующие сведения, сообщаемые д-ром Пфафом: «Местные жители, по крайней мере в Куртатинском ущелье, рассказывают, что в этих местах прежде, но уже очень давно, жило другое осетинское племя, по имени Бурдурта, и что оно по неизвестной причине выселилось за Казбек, в направлении к Трусовскому ущелью. По некоторым данным можно заключить, что нынешние жители переселились в эти места не раньше XV или XVI столетий...»¹⁹.

¹⁹ Сборник сведений о кавказских горцах, V, II, 79.

В связи с монголо-татарским нашествием, несомненно, произошел катастрофический сдвиг в расселении осетин: окончательный уход их в горы и расселение по разным ущельям Северной и Южной Осетии. Поэтому приведенное сообщение д-ра Пфафа следует считать близким к истине.

Прежнее осетинское население могло уйти из гор в направлении Грузии и раньше под натиском разных племен.

Здесь опять-таки важно отметить самый факт установления генеалогической (или родственной) связи между династией осетинских багратидов и пятью родами народного предания.

Весь приведенный выше материал говорит о том, что в осетинском обществе как на севере, так и на юге пять названных родов считались аристократическими (уазданскими), хотя никаких реальных прав господства над другими родами они не имели.

При этом, однако, существенный интерес представляет тот факт, что подавляющее большинство населения как Алагирского и Мамисонского ущелий, так и Южной Осетии, считаются потомками этих древних родов. Таким образом, здесь создается положение, когда огромное большинство населения составляет как бы привилегированное сословие, а меньшинство – «черное», низестоящее по своему социальному положению, в то время как в развитом классовом обществе мы видим господствующее меньшинство и огромное большинство зависимых масс. При этом важно отметить и то, что это **«аристократическое» большинство непосредственно занято личным трудом в производстве.**

Здесь мы имеем вполне закономерное явление с точки зрения генезиса и развития классового общества.

«Рабовладельцы и рабы – первое крупное деление на классы...»²⁰

В период возникновения классов-сословий в патриархально-родовом обществе мы имеем, с одной стороны, свободных членов родовых общин, а с другой стороны – «черных» людей, рабов... При этом на этой стадии развития общества свободные составляют большинство, а рабы – меньшинство. Вместе с тем пока имеется рабство патриархальное. Свободные общинники сами непосредственно заняты в производстве, их труд лежит в основе общественного производства.

Это мы наблюдаем на ранней стадии истории греков, римлян, германцев, славян и других народов. Грузинские **азнаури** вначале означали людей свободных, противопоставлявшихся несвободным людям. Только в дальнейшем развитии классовобразования азнаури превращаются в привилегированное меньшинство, в класс феодалов.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. XXIX, 438.

Такую же эволюцию патриархально-родового общества мы наблюдаем в Осетии. В Алагиро-Мамисонских и южно-осетинских обществах, которые недаром считались всегда демократическими ввиду слабо выраженного классово-сословного расслоения, имелось огромное уæзданское большинство и меньшинство «черных» людей.

Дальнейший этап развития осетинского общества представляют общества – отчасти Куртатинское, а в особенности Тагаурское и Дигорское. В последних мы видим более развитую классово-сословную структуру. Здесь имелось строго ограниченное количество алдарских родов (согласно сведениям сборника адатов в Куртат – 9, в Тагаурии – 10 и в Дигории – 3 бадиляты, царгæсаты, гагуаты), в зависимости от которых находилась остальная масса населения (фæрсаги, кæвдæсарды, рабы). Зависимость последних выражалась в отбывании тех или иных повинностей. Впрочем, развитого классового общества в форме государства еще нет, и за господствующими классами их привилегии прочно не закреплены, массы отстаивают свою свободу и равноправие с уæзданами.

Любопытно отметить, что в Куртатинском обществе (считавшемся сословным) при русской власти из 3701 души мужского пола 3652 души подавали в Терско-Кубанскую сословную комиссию просьбу о признании их принадлежащими к высшему сословию²¹. Факт этот показывает, что даже в этом обществе почти вся масса населения считала себя уæзданским сословием, т.е. строй этого общества находился на ранней стадии развития, когда масса населения состояла из свободных общинников, а меньшинство – из рабов и кæвдæсардов. При этом свободные заняты были в производстве.

Исследование народного предания о происхождении осетин от пяти братьев, сыновей Ос-Багатара, позволяет нам сделать следующие общего характера выводы, в большей или меньшей степени приближающиеся к истине.

1. Огромное большинство осетинских родов, живших в недавнее предреволюционное время в Алагиро-Мамисонском ущелье, в Южной Осетии, отчасти и в других ущельях, или выселившихся из этих ущелий родов, составляли ветви древних родов – Сидамоновых, Агузовых, Царазоновых, Кусагоновых и Цахиловых. Эти роды пользовались репутацией благородных (по-осетински – **уæздан**) родов.

2. Названные древние роды существовали в период, предшествовавший времени расселения осетин в упомянутых ущельях и основания в них существовавших в недавнее время селений.

²¹ См. Материалы по истории Осетии, III, Дзауджикау, 1950. С. 199-200.

3. Эти древние роды имели генеалогическую или родственную связь с родовой аристократией эпохи Овского царства и с самой династией осетинских багратидов.

4. Сами они в период существования их представляли родовую аристократию патриархально-родового общества осетин в стадии его разложения и возникновения в нем классов, когда благородные или свободные люди составляют еще большинство населения и противопоставляются несвободным или рабам, а также кæвдæсардам (буквально – рожденным в яслях, т.е. рожденным от вторых и следующих жен при наличии института многоженства), также считавшимся «черными» людьми.

«Благородные» или свободные общинники сами были заняты в производстве, хотя «черные» люди (рабы, кæвдæсарды) несли тяжесть хозяйственных работ и, следовательно, подвергались эксплуатации со стороны первых.

В пору существования этих древних родов (как родов в собственном смысле этого слова) в Осетии сохранились ярко выраженные пережитки патриархально-родового строя. Об этом, между прочим, можно судить по сохранившейся народной поговорке, приведенной выше, приписывающей этим родам то или другое качество, достойное пожелания: многочисленность (Сидамоновых) – качество, которое давало роду в родовом обществе могущество; отвагу, воинственность (Агузовых) – столь же завидное качество в условиях родового строя и, наконец, третье качество – слава (Кусагоновых) – соответствовало характерному для осетинских родов славолюбию.

Рабство в этих условиях имело первобытную форму, характерную и для последующего осетинского быта. Это вид восточного домашнего рабства, которое, по словам Энгельса, прямым образом не составляло основы производства²². При семейных разделах рабам отводилась земля худшего качества, и они давали начало «черным» родам. Это говорит о том, что первобытное рабство в Осети имело тенденцию развиваться в направлении не рабовладельческой формации, а феодальной. Впрочем, общинно-родовые начала были настолько устойчивы, что процесс феодализации далеко не был завершен. Мало того, со временем с численным ростом «черных» родов и их усилением, привилегированное положение «благородных» родов приобретало более морально-идеологический, чем реально-правовой характер.

5. Так как по вышеприведенным данным названные древние роды имели связь с «Овским царством» грузинских летописей, то вышесказан-

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV. С. 45.

ное проливает некоторый свет на общественный строй этого царства. Основное при этом заключается в том, что «благородные» или свободные общинники составляли в нем большинство населения и были заняты в производстве. При наличии рабства не рабский труд, а труд этих свободных составлял основу общественного производства.

6. Но в то же время классовое расслоение уже возникло и среди «благородных» родов. Были экономически и физически более сильные семьи и родовые группы. Они занимали более влиятельное или даже господствующее положение среди массы «благородных» или свободных, т.е. зародился процесс феодализации, выделился класс æлдаров. Из этого слоя феодализирующейся родовой аристократии выделились и овские цари – багатары, преимущественно племенные военные вожди. Эти багатары имели династические брачные связи с грузинскими багратидами. В результате этих связей в XI в. в Осетии основалась осетинская ветвь багратидов, по грузинским источникам происходившая от Деметре, сына грузинского царя Георгия I и дочери овского царя Альды-аланки.

С другой стороны, экономически слабые люди или даже целые роды из числа свободных попадали в некоторую зависимость от родовой аристократии (такие группы в Осетии впоследствии назывались «фæрсагами»).

О степени этой зависимости и вообще о характере классовых отношений в Овском царстве нет конкретных данных.

7. В отношении государственной формы Овское царство представляло раннюю форму политического образования с сильно выраженными чертами родоплеменного строя (племенного союза). При наличии зародившихся феодализационных отношений, не представляя собой прочной централизованной политической организации, Овское царство не достигает устойчивого положения, распадается на отдельные части и под ударами внешних врагов (монголов) окончательно прекращает свое существование.

VANEEV Z. N.

THE PUBLIC LEGEND ABOUT THE ORIGIN OF OSSETIANS

SUMMARY

The study of the public legend from the five brothers, the sons of Os-Bagatar, about the origin of Ossetians allows us to make the following general findings, which are approaching to truth in greater or smaller degree.

The enormous majority of ossetian kins who lived in Alagir-Mamison gorge, in the South Ossetia, somewhat in the other gorges at recent prerevolutionary times or evicted from these gorges, formed the branches of the ancient kins – Sidamons. Aguzons, Carazons, Kusagons and Tshilons. These kins had the reputation of «nobles» (wazdan – by ossetian).

The mentioned ancient kins existed at period, preceded the time of settling of Ossetians in gorges and the remnants of their villages remained still there at recent times.

These ancient kins had genealogical or bloody relationship with the aristocracy of the Ovs' kingdom and with the dynasty of Ossetian Bagratids too.

At the period of their existence these ancient kins by themselves presented the aristocracy of the tribal ossetian society at the stage of its decomposition and the appearance of the classes in it, when the noble or free people formed the majority of the population and was opposed to unfree ones and slaves, as well as to kavdasards (literally – given the birth in cribs i.e. given the birth from the second and the next wives in condition of the institute of polygamy). who considered to be the «black» people».

The nobles or freemen themselves were occupied in production though the «black» people (slaves, kavdasards) carried the main economic work and. consequently, were subjected to exploitation from the part of the first.

At the time of existence of these ancient kins the brightly expressed survivals of tribal system remained in Ossetia. This, by the way, may be discovered in public saying, brought above, which pointed out the characteristic features of every kin: the numerosity of Sidamons – a quality, which gave the kin power, courage of Aguzons – very enviable quality in ancient societies and, finally, the third quality – a glory of Kusagons which corresponded to the typical feature of Ossetians – aspiration to glory.

The slavery in these conditions had a primitive form, which also was typical for the following Ossetian mode of life. This was the type of eastern home slavery which, according to Engels did not form directly the bases of production²³. In case of kins' disintegration the slaves were given the worst land and so they gave the birth to the «black» kins. This speaks of that that the primitive slavery in Ossetia had a tendency to develop toward the feudal formation not the slavery one. However, the tribal system was so firm that the process of feudal ization was far from being completed. Moreover while passing time, with the numerical growth of the «black» kins and their strengthening the privileged position of the noble kins gained more moral and ideological nature than real-legal one.

On the other hand the economic weak people or even the whole kins fell into a certain dependency from kins' aristocracy (such groups in Ossetia subsequently were identified as farsags).

There is no concrete information about the degree of this dependence and about the nature of the class relations in general in Ovs' kingdom.

²³ MARKS K., ENGELS F. Sochinenia. T. XIV. P. 45.

In respect of state form Ovs' kingdom represented the early form of political formation with strongly expressed features of tribal alliance. While having had early feudal relations and not being the strong political organization Ovs' kingdom did not reach the firm position, disintegrated on separate parts and definitively stopped its existence under the blow of external enemies (the mongols).